

В. А. Томсинов

**Русская эмиграция 1920-х – 1930-х годов
как культурное явление.**

**Юридические учебные заведения
русской эмиграции.**

**Развитие научной юриспруденции
русскими правоведами-эмигрантами.**

Опубликовано под названием
«Правовая мысль русской
послереволюционной эмиграции»
в журнале «Законодательство».

2001. № 12. С. 80–83. 2002. № 1. 86–90. № 2. С. 88–91.

Русская эмиграция, порожденная революцией 1917 года и последовавшей за ней гражданской войной, — одно из самых удивительных явлений в истории человечества. Она была огромной по своей численности — к 1922 году Россию покинуло около 2 млн. человек¹. Она была уникальной по составу — никогда прежде, ни из одной страны не выезжало в эмиграцию такое множество высокообразованных людей, видных деятелей науки, литературы, искусства, какое выехало после революционной катастрофы 1917 года из России.

Как и любая эмиграция, возникающая в результате революции, данная русская эмиграция была в определенном смысле политической силой. В её составе находилось немало политических деятелей, которые не смирились с поражением. Пребывая на чужбине, они продолжали бороться в тех или иных формах с партией большевиков, захватившей власть в России. Вместе с тем русские политики-эмигранты старались осмыслить произошедшее в России, извлечь полезные уроки из русской трагедии 1917 года².

Но самой главной отличительной особенностью русской послереволюционной эмиграции была её культурная деятельность. Вряд ли можно найти в мировой истории другой пример такого культурного подвижничества, какой дала русская послереволюционная эмиграция. В течение 20-30-х годов XX века русскими эмигрантами было основано и издавалось на чужбине более 1 400 наименований журналов³. В целом

¹ Почти половина из них (800 тыс.) поселилась во Франции и Германии. Остальные обосновались в Польше, Чехословакии, Сербии, Турции, Англии, Китае, США и др. странах. См. подробнее: Российская эмиграция: численность и расселение // Население России в XX веке. Том 1. 1900–1939 гг. / Отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. С. 134–142.

² К примеру, бывшие царские дипломаты создали в 1921 г. «Совет послов», в задачи которого входила организация переписки, обмена мнениями по различным вопросам международной политики между русскими политическими деятелями. См.: Чему свидетелями мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. М.: Издательство «Гея», 1998.

³ В двухтомном библиографическом указателе «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945», вышедшем в свет в Нью-Йорке в 1953 г., можно насчитать 1 435 наименований русских эмигрантских журналов, как литературно-художественных, так и научных. Но вряд ли в данном указателе упомянуты все журналы русской эмиграции. Г.С. Стародубцев приводит в своей книге «Международно-правовая наука российской эмиграции» (М., 2000. С. 41) значительно меньшие цифры — 700 газет и свыше 300 журналов. Эти цифры

ряде стран, где обосновались русские эмигранты, были открыты русские учебные заведения — институты и факультеты.

Произведения, написанные русскими писателями-эмигрантами, образовали целую ветвь русской литературы, которая стала в некотором роде продолжением литературы начала XX века, но вместе с тем явила собой самостоятельный феномен, особый период в истории русской литературы⁴. Русская эмиграция создала и свою философию⁵, развила современную социологию⁶, внесла огромный вклад в историческую науку⁷.

Литературные и философские произведения, а также исторические труды русских эмигрантов широко публикуются в последние годы в России. Начинается также их изучение в российских вузах. В тени остаются, однако, разработки русских ученых-эмигрантов в такой области общественной науки, как юриспруденция. В последнее десятилетие в России регулярно переиздаются произведения русских правоведов, написанные в XIX — начале XX века, но почти нет переизданий юридических трудов, созданных русскими учеными-эмигрантами⁸.

извлечены им из хранящейся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории рукописи библиографа русского зарубежья С.П. Постникова.

⁴ О русских писателях-эмигрантах см.: Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. М.: РОССПЭН, 1994. См. также: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956.

⁵ Среди философских направлений, разрабатывавшихся русскими философами-эмигрантами, наиболее известна идеология евразийства. Но не меньший интерес представляют и другие направления русской эмигрантской философии.

⁶ Наиболее яркое свидетельство успехов русской послереволюционной эмиграции на поприще социологии дают произведения Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), покинувший Россию в сентябре 1922 г. Западные ученые считают его одним из классиков современной социологии и ставят в один ряд с такими учеными, как Г. Спенсер и М. Вебер.

⁷ Особо следует отметить, что именно стараниями историков-эмигрантов были собраны драгоценные свидетельства современников и участников революционных событий 1917 г. и гражданской войны 1918–1921 г. в России. Многие из этих свидетельств опубликованы в 22-х томах «Архива русской революции», изданного И.В. Гессеном в 1921–1937 гг.

⁸ Исключение составляет написанная в 1923 г. работа Н.Н. Алексеева «Основы философии права», которая была издана в 1998 г. издательством Юридического института в Санкт-Петербурге, а также юридические произведения И.А. Ильина, вышедшие в свет в собрании сочинений этого русского мыслителя-эмигранта, издаваемом издательством «Русская книга».

Между тем достижения русской послереволюционной эмиграции в области юриспруденции были не менее значительными, чем в философии и других отраслях общественных наук⁹. Среди ученых, покинувших России в первые годы правления большевиков, было довольно много правоведов. Оказавшись за пределами родины, некоторые из них вынуждены были по разным причинам отказаться от дальнейших занятий правом. Однако большинство русских правоведов, которые находились в расцвете творческих сил, были известны своими книгами и статьями по различным вопросам права, остались верны своему призванию.

Быстрый, почти одновременный, исход из России большого количества высокообразованных людей позволил русской эмиграции организовать в зарубежных странах, причем в предельно короткое время, настоящие культурные центры — с православными храмами¹⁰, академическими обществами, издательствами, периодическими изданиями, клубами, учебными заведениями¹¹. Так как среди

⁹ Многие русские правоведы, оказавшиеся волей судьбы за пределами России, обратились к разработке философских проблем и при этом не оставляли без внимания проблемы юриспруденции. Среди таких правоведов-философов особо следует выделить вышеупомянутых Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, П.А. Сорокина, а также Б.П. Вышеславцева, Н.В. Устрялова и др.

¹⁰ Эмигрант Г. Озерецкий отметил в своих мемуарах любопытную перемену в сознании русской интеллигенции, вынужденной покинуть после революции 1917 г. Россию и поселиться на чужбине. «Многие вернулись в церковь. Принадлежа к интеллигенции, относясь ранее к религии с равнодушием, как к институту устаревшему и находящемуся в руках закоренелых и реакционных, — они вдруг обнаружили в церкви «вечную красоту». (Озерецкий Г. Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С. 201). По воспоминаниям П.Е. Ковалевского, русские эмигранты шли в православные церковные храмы «как в убежище от чужого мира, от трудностей жизни. Шли туда, — были и такие, — от тайного подсознательного ощущения своей вины в том, что произошло с Родиной. От тайного подсознательного раскаяния и личного, и общественного». (Там же. С. 202). Эмигрант Г. Мейер замечает в своей статье «Герои Пруткова и пассивность эмиграции: «Будущий правдивый историк, на досуге разбираясь в делах эмиграции, должен будет отметить её большие положительные качества: терпеливость, достойную приспособляемость к неодолимо трудным условиям, исключительную работоспособность. Он будет поражен множеству открытых нами церквей, во многом бережному отношению к прошлому нашей великой культуры...». (Мейер Г. У истоков революции. Frankfurt/Main: Посев, 1973. С. 247).

¹¹ Так, в одной только Праге, помимо Русского Юридического факультета, русской эмиграцией были созданы и действовали такие учебные и научные институты, как

эмигрантов было, с одной стороны, немало ученых-правоведов, а с другой стороны, лиц, желающих получить юридическое образование, то в этих учебных заведениях, как правило, создавались, помимо прочих, и юридические факультеты или отделения.

* * *

В мае 1922 года был открыт **Русский Юридический факультет в Праге**. Его учредителем выступило правление Союза Русских академических обществ. Факультет получил статус частного учебного заведения, обучение в котором было платным (60 чешских крон за полугодие), но часть финансовых средств на содержание факультета предоставлялась из государственного бюджета Чехословакии.

Обучение студентов осуществлялось здесь по программам, на основании которых строилось преподавание в российских университетах в предреволюционный период. В частности, студентам факультета преподавались различные отрасли русского права в том состоянии, в котором оно находилось до революции 1917 года, а также право Советской России, римское право, история русского права, государственное право, международное право, история России, история экономических учений, логика, психология, экономическая география, иностранные языки, в том числе чешский язык¹².

Первым деканом факультета являлся профессор П.И. Новгородцев (1866–1924). Затем эту должность занимал профессор Д.Д. Гримм (1864–1941). В качестве преподавателей факультета работали, помимо упомянутых профессоров, такие известные русские правоведы, как Н.Н. Алексеев (1879–1964), Е.В. Спекторский, А.Н. Фатеев (1871–1952), историк А.А. Кизеветтер (1866–1933) и др.

Русский Свободный (до 1934 – Народный) университет (1923–1949), Институт изучения России (1924–приблиз.1940), Общество кавказоведения при Институте изучения России (1925–приблиз. 1935), Русский Педагогический институт имени Яна Амоса Коменского (1923–1926), Русское Высшее училище техников путей сообщения (1922–1933). Кроме того, в Праге существовала Учебная коллегия при Комитете по обеспечению образования русских студентов. Она была создана в 1921 году. Одновременно здесь функционировало несколько организаций русских студентов-эмигрантов. Фонды всех названных организаций находятся в настоящее время в Государственном архиве РФ.

¹² См.: Русские в Праге 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 84.

При факультете была создана аспирантура. Так, «для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права был оставлен окончивший курс юридического факультета Московского университета с дипломом 1 степени В.Е. Беланович. Руководство поручалось Н.Н. Алексееву»¹³. В 1927 году магистерский экзамен держал оставленный для приготовления к профессорскому званию по кафедре государственного права сын Д.Д. Грима И.Д. Гримм (1891–1971). На факультете защищались магистерские диссертации. Например, 31 октября 1926 года на заседании Русского Юридического факультета в Праге состоялась защита диссертации «Вмешательство и признание в международном праве», представленной приват-доцентом М. А. Циммерманом (1887–1935) на соискание ученой степени магистра международного права¹⁴.

Численность студентов факультета доходила до 488 чел. В 1924–1930 годах при факультете функционировало Общество правоведения и общественных знаний.

С 1928 года обучение студентов в рамках Русского Юридического факультета в Праге стало постепенно сворачиваться. Последние из зафиксированных в документах свидетельств о деятельности относятся к 1944 году¹⁵.

3 июля 1922 года открылся **Русский Юридический факультет в Харбине**. Он был учрежден на базе существовавших с марта 1920 года Высших экономико-юридических курсов. Деканом факультета стал профессор Н.В. Устрялов (1890–1937). Позднее на эту должность избирались также профессора Н.И. Миролубов (1870–1927), В.А. Рязановский (1884–1968), В.В. Энгельфельд (1891–1937). В качестве преподавателей факультета работали, помимо вышеупомянутых профессоров, такие

¹³ *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000. С. 75.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Подробнее о Русском юридическом факультете в Праге см.: Государственный Архив РФ. Фонд Р-5765, 4 оп., 1416 ед. хр. 1921–1944. В этом архивном фонде хранятся следующие важные документы, отражающие деятельность данного факультета: Устав (1922), Правила приема студентов, протоколы заседаний правления и учебной коллегии факультета (1922–1933), протоколы заседаний Общества правоведения и общественных знаний, отчеты о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге (1922–1928), программы учебных дисциплин, списки преподавателей, студентов и вольнослушателей.

известные русские правоведы, как профессора Г.К. Гинс (1887–1971), Н.И. Никифоров (1886– ?), В.А. Овчинников (1880– ?), Г.Г. Тельберг (1881–1954) и др.¹⁶

Финансирование факультета осуществлялось из различных источников. В первые два года это учебное заведение, имевшее статус частного, содержалось во многом за счет самих студентов, плативших за свое обучение. С осени 1924 года широкую материальную помощь факультету стала оказывать советская администрация КВЖД. В 1925 году в рамках факультета открывается восточно-экономическое отделение, потом – коммерческое и железнодорожное отделения.

Как и Русский Юридический факультет в Праге Харбинский факультет следовал в своей организации и деятельности нормам Университетского устава Российской империи 1884 года. Поэтому программа обучения в рамках данного учебного заведения предусматривала изучение студентами таких дисциплин, как русское гражданское право и судопроизводство, русское уголовное право и судопроизводство, торговое право, римское право, государственное право, финансовое, административное, международное, церковное и т.д. В дополнение к перечисленным в Университетском уставе дисциплинам студенты Русского Юридического факультета в Харбине должны были с 1923 года изучать различные отрасли китайского права. С 1924 года вводилось преподавание права Советской России.

С 1925 года в Харбине стал выходить журнал «Известия Юридического факультета». За три года (к 1928 г.) было издано 8 томов данного журнала. К 1937 году вышло в свет еще 4 тома. Некоторые тома были весьма объёмны – более 300 страниц. Кроме того, на средства факультета издавались научные труды профессоров¹⁷.

В марте 1929 года китайская администрация Харбина взяла Русский Юридический факультет под свой полный контроль. Руководить данным учебным заведением был назначен ректор-китаец. С этого времени начался упадок факультета. По воспоминаниям Н.П. Автономова (1885–1979), преподававшего в 1930-е годы в харбинских учебных заведениях русский язык, «с начала 1934/35 академического года насту-

¹⁶ См.: Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 50–57.

¹⁷ Например, в 1924 г. была издана брошюра В.А. Рязановского «Единство процесса».

пил последний период жизни факультета; его характер определялся отчасти уходом советской профессуры, а отчасти таким важным для местной русской колонии фактом, как продажа КВЖД с вытекающими отсюда последствиями»¹⁸. Русские после этой продажи и соответственно ухода с КВЖД советской администрации стали покидать Харбин. В связи с этим количество студентов, обучающихся на факультете, стало неуклонно уменьшаться¹⁹. В 1934–1935 годах из Харбина в Советскую Россию уехал ряд преподавателей Русского Юридического факультета, принявших советское гражданство. Среди них был, в частности Н.В. Устрялов, ставший гражданином СССР еще в 1925 году. В США уехал В.А. Рязановский.

1 июля 1937 года Русский Юридический факультет в Харбине прекратил свое существование. Часть его профессоров перешла на преподавательские должности в харбинский Коммерческий институт (Г.К. Гинс, К.И. Зайцев, Н.И. Никифоров и др.).

Юридические институты в Праге и Харбине были самыми крупными из юридических научных и учебных учреждений, созданных русскими правоведами-эмигрантами. Они представляли собой уникальное явление — воспроизведенную за пределами России копию юридического факультета дореволюционного российского университета. Других подобных центров русской юриспруденции нигде больше не возникло. Как правило, русские правоведа, оказавшиеся в эмиграции, могли продолжать свою научную и преподавательскую деятельность лишь в рамках иностранных учебных заведений.

В государствах, образовавшихся на территориях, которые входили в состав бывшей Российской империи, — в Литве, Латвии, Польше и др. — продолжало некоторое время действовать дореволюционное российское право. Продолжалось соответственно и преподавание его в учебных заведениях. Правоведа, покинувшие новую, Советскую, Россию, могли

¹⁸ Там же. С. 55. Прочитанная фраза из воспоминаний Н.П. Автономова дословно воспроизводится в книге Стародубцева Г.С. «Международно-правовая наука российской эмиграции» (с. 200).

¹⁹ По сведениям, сообщаемым Н.П. Автономовым Русский Юридический факультет в Харбине окончил 297 чел. Из них по юридическому отделению — 169, по коммерческому — 60, по восточно-экономическому — 43 чел. См.: Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине. С. 55.

здесь читать прежние лекционные курсы, которые они читали до революции 1917 года в российских университетах²⁰.

Русские правоведы-эмигранты, обосновавшиеся в других иностранных государствах, — в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославии), Болгарии, Германии, Франции, Англии, США и т. д. — вынуждены были (если они не занимались такими предметами, как история права или международное право) переходить к изучению и преподаванию права приютившей их державы. Оказавшись в сложной ситуации, они не потеряли своего лица, но сумели проявить свой талант на новом для себя поприще — в исследовании институтов иностранного права.

* * *

Наиболее благоприятные условия для жизни, а также плодотворной научной и преподавательской деятельности русских ученых-эмигрантов сложились в Сербии²¹. Россию многое связывало с этой славянской страной: общность православно-христианской традиции, культурные взаимовлияния на протяжении длительного исторического периода,

²⁰ Так, С.А. Беляцкий, эмигрировавший в 1922 г. из Советской России в Литву, вплоть до середины 1940 г. преподавал на юридическом факультете Каунасского университета российское гражданское право. Курс его лекций был опубликован в 1928 г. на русском языке под названием «Частное право в основных принципах» в одном из каунасских издательств. См. подробнее: *Томсинов В. А. Проблемы гражданского права в трудах С.А. Беляцкого // Законодательство. 1999. № 12. С. 78–81.*

²¹ Это признавали сами русские ученые, переселившиеся в эту страну. Так, Федор Васильевич Тарановский говорил 9 апреля 1933 г. в своем выступлении на открытии культурного центра русской эмиграции в Белграде — Русского Дома имени Императора Николая II: «Мы, русские ученые, прибывшие в Югославию, оказались в положении лучше, чем все наши коллеги в эмиграции, ибо в значительном большинстве, почти все, мы оказались у своего дела и остаемся при нем либо в качестве преподавателей в высших учебных заведениях, либо в качестве сотрудников в различных специальных учреждениях научного характера. Такие исключительно благоприятные обстоятельства налагают на нас и нарочитые обязанности, как в отношении приютившей нас братской страны, так и по отношению к отечеству нашему, которое мы вынуждены были покинуть. Обязанности эти ясны: они требуют от нас, чтобы научное дело, вверенное нам в этой стране, мы делали с величайшим напряжением, на которое мы только способны, а для отечества нашего, чтобы мы культивировали то, чем оно, к сожалению, оскудевает» (Русский Дом имени Императора Николая II. Белград, 1933. С. 7–8).

кровное родство между собой некоторых представителей правящих кругов Сербии и Царского Дома Романовых. Сербь испытывали глубокую признательность к русским за то, что Россия в 1914 году встала на защиту Сербии и тем самым спасла их страну от уничтожения германской военщиной.

Документальные материалы свидетельствуют о том, что к началу 1923 года на территории Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев проживало около 45 000 беженцев из России²². Русский эмигрант профессор А. Маклаков в своей статье, опубликованной в 1922 году в восьмом номере загребского журнала «Новая Европа», сообщал: «Перед нами статистические сведения, полученные от статистического отделения Государственной комиссии по делам русских беженцев в Белграде. Эти сведения показывают, что в среде русской эмиграции в Югославии 75% лиц имеют высшее и среднее образование. Остальную часть составляют в основном лица с начальным и домашним образованием. Число тех, кто не имеет никакого образования, совершенно незначительно и не превышает 3% от целого, при чем не следует упускать из виду, что процент неграмотных в России огромен. Таким образом, эмиграционная волна вынесла из России наиболее образованные слои»²³.

По словам М. Сибиновича, «переселившиеся из России высокообразованные, в большинстве своем ученые и специалисты высокого ранга, придали сильный импульс развитию сербской, черногорской и в целом югославской культуре. Трудно было найти какой-либо сербский населенный пункт, в котором бы не имелось дорогого русского профессора, лекаря, инженера, музыканта, агронома, лесоведа или ветеринара»²⁴. Об огромном вкладе русских эмигрантов в культуру Югославии говорил

²² Приведенная цифра содержится в ответе председателя Государственной комиссии по делам русских беженцев, действовавшей в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев, на запрос Министерства иностранных дел данного Королевства от 20 января 1923 г. Текст этого ответа приводит в своей статье «Русская эмиграция в сербской культуре XX века — значение, границы и перспективы исследования» профессор кафедры славистики Белградского университета М. Сибинович. См.: Сибиновић М. Руска емиграција у српској култури XX века — значај, оквири и перспективе истраживања // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Том 1. Београд, 1994. С. 5.

²³ Цит. по: Там же. С. 6.

²⁴ Там же.

в 1933 году в своей речи на открытии Русского Дома имени Императора Николая II академик-славист А. Белич²⁵: «Этой части нашей земли, в которой мы живем, старому Королевству Сербии, полуразрушенной, замученной, лишенной многих сотен тысяч лучших своих сынов, павших на войне, русские эмигранты оказали действительно существенную культурную помощь. Пройдет еще очень много времени, и в строительстве новой культурной жизни нашей страны все еще будет заметно участие в ней русских интеллигентов, у нас живших»²⁶.

Количество профессиональных юристов среди русских эмигрантов, обосновавшихся в начале 20-х годов XX века в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев, было довольно значительным — не менее 3% от общего числа беженцев, прибывших из России, т.е. более 1 000 человек²⁷. Многие из них стали адвокатами, судьями, чиновниками различных государственных ведомств Югославии²⁸, преподавателями юридических факультетов югославских университетов. В 1922/1923 учебном году на юридическом факультете Белградского университета работало 5 русских преподавателей — более четверти от общего числа преподавателей (18 чел.), в 1926/ 1927 году — 3, в 1928/1929 году — 4²⁹. Кроме того, на

²⁵ Выпускник Московского университета, впоследствии президент Сербской Академии наук.

²⁶ Русский Дом имени Императора Николая II. С. 33.

²⁷ Эта цифра получена в результате опросов 17 905 русских беженцев, оказавшихся в 1922 г. на территории Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев. Данные указанных опросов, сведенные в таблицу «Суммарные сведения о профессиональном составе русских беженцев» профессор М. Сибинович обнаружил в архиве академика А. Белича (Там же).

²⁸ Так, русский эмигрант, выпускник юридического факультета Московского университета В.Н. Челищев (1870– [1952]), являвшийся в 1917 г. старшим председателем Московской судебной палаты, эмигрировал в 1920 г. в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев. Проживая здесь, он служил сначала (в 1924–1929 гг.) в Министерстве юстиции этой страны, а затем (в 1930–1931 гг.) — в Генеральной дирекции государственных железных дорог. В 1931 г. переехал в Чехословакию. См.: фонд Виктора Николаевича Челищева в Государственном архиве РФ (ГА РФ. Ф. Р-6611).

²⁹ См.: *Прпа-Јовановић Б.* Наставници Универзитета 1919–1929. године // Универзитет у Београу 1838–1988. Зборник радова. Београд, 1988. С. 152. По данным сербского историка Т. Миленковича, в межвоенный период (в 1920–1941 гг.) на юридическом факультете Белградского университета преподавало 6 русских правоведов. Всего же в этом югославском университете работало 70 преподавателей из России: 19 — на философском факультете, 5 — на богословском, 20 — на техническом, по 11 — на сельскохозяйственно-лесном и медицинском факультетах. В университетах Загреба (Хорватия) и Любляны (Словения) преподавало

юридическом факультете в Суботице (Воеводина), входившем в состав Белградского университета, преподавательскую деятельность вели в 1924/1925 учебном году 4 русских правоведа.

Среди наиболее видных русских правоведов, работавших в Белградском университете, следует назвать в первую очередь **Е.В. Спекторского (1875–1951)**.

Он был профессором энциклопедии права и истории философии права Варшавского университета (в 1903–1913 гг.), затем профессором Университета Святого Владимира в Киеве (1913–1919), его ректором (в 1918). В 1920–1930 годах Спекторский преподавал на юридическом факультете Белградского университета, а в 1931–1945 годах на юридическом факультете университета в г. Любляне государственное право, философию права и введение в социологию, писал научные работы по теории государства и права³⁰, социологии и этике. Спекторский был первым председателем основанного весной 1920 года Общества русских ученых Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев³¹, а также учрежденного в 1928 году в Белграде Русского научного института³².

соответственно 20 и 17 русских профессоров (*Миленковић Т. Друштво руских научника у Југославији (1920–1941) // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. С.63*). Некоторые имена русских правоведов, преподававших в Белградском университете приводятся в статье: *Кастратовић-Ристић В. Руски професори на Београдском универзитету 1919–1925 // Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас: Саопштења и прилози СА симпозијума одржаног у Београду 15–17. новембра 1988. године. Књ. 2. Београд, 1989. С. 52.*

³⁰ Работа по теории государства, вышедшая в 1933 г. под названием «Государство и его жизнь», стала самым значительным из произведений Спекторского, созданных им за время его пребывания в Югославии (*Спекторски Е. Држава и њен живот. Београд, 1933. См. мнения сербских правоведов об этой книге: Мацакања Д.С. Учење о држави Евгенија Спекторског // Руска емиграција у српској култури XX века. С. 198–201.*

³¹ См.: *Миленковић Т. Друштво руских научника у Југославији (1920–1941) // Руска емиграција у српској култури XX века. С. 61–70.*

³² Данный институт предназначался для координации научно-исследовательской работы по проблемам русской и южнославянской истории, содействия молодым ученым, организации публикаций научных трудов. В институте читались лекции по гуманитарным и естественным наукам — Е.В. Спекторский, например, читал здесь курс теории публичного права, а П.Б. Струве — экономическую историю России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны. Кроме

В 1945 году Е.В. Спекторский покинул Югославию и спустя два обосновался в США. Здесь, при Колумбийском университете, он основал Русскую Духовную академию Святого Владимира. В этом учебном заведении русский ученый читал лекции по этике, социологии и каноническому праву. Окончил свою жизнь он в Нью-Йорке в 1951 году.

Вместе с Е.В. Спекторским в Югославии работал другой видный русский правовед – **Ф.В. Тарановский (1875–1936)**.

До 1917 года Тарановский успел поработать в нескольких российских университетах, опубликовал несколько книг³³ и около сорока статей. Его преподавательская деятельность началась в 1899 году на юридическом факультете Варшавского университета, который он закончил тремя годами ранее (как и Е.В. Спекторский). Сначала Тарановский читал здесь в качестве доцента курс энциклопедии юридических и политических наук, затем (с 1903 г.) – курс истории русского права. В 1908 году он переводится в Демидовский юридический лицей города Ярославля, но не задержался здесь. В том же году ему предоставляют кафедру истории русского права в Юрьевском университете. Здесь он преподает сначала как экстра-ординарный профессор, а после защиты в 1911 году докторской диссертации – в качестве ординарного профессора. В 1917 году Тарановский становится профессором юридического факультета Петроградского университета. Во время гражданской войны в России он перебирается в Харьков, затем в Екатеринослав и Симферополь, преподает в университетах указанных городов историю русского права.

них в институте читали лекции в разное время такие видные русские ученые-эмигранты, как И.А. Ильин, Н.О. Лосский, И.И. Сикорский и др. В 1930–1941 гг. издавались «Записки Русского научного института в Белграде». Всего вышло 17 выпусков. Кроме того, под эгидой Русского научного института шла работа по составлению библиографических указателей научных трудов русских эмигрантов. См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1: 1920–1930. Белград, 1931; Вып. 2: 1930–1940. Белград, 1941. В 1940 г. Русский научный институт прекратил свою деятельность. Фонд этого эмигрантского учреждения хранится в Государственном архиве РФ (Ф. Р-6820).

³³ Тарановский Ф.В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. Варшава, 1904; *его же*. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Киев, 1911 и др.

С 1920 года Ф.В. Тарановский читал в Белградском университете курсы энциклопедии права и истории славянского права³⁴, одновременно состоял в должности заместителя председателя Общества русских ученых, а в 1931 году заменил Спекторского на посту председателя Русского научного института. В течение 1920-х — начала 1930-х годов Тарановский публикует целую серию солидных научных трудов по энциклопедии права и истории славянского права³⁵. Для югославской научной общественности особенно заметны и ценны были труды русского ученого в области истории сербского права³⁶. В 1932 году Сербская академия наук избирает его своим членом. Умер Тарановский в 1936 году на 61-м году своей жизни³⁷.

Кафедра истории славянского права, открытая в Белградском университете с приходом туда Ф.В. Тарановского, не осталась без преподавателей после его смерти. Дело Тарановского продолжил его ученик — русский ученый-эмигрант **А.В. Соловьев (1890–1971)**.

Юридическое образование Соловьев получил там же, где и его более старшие коллеги — Спекторский и Тарановский — то есть в Варшавском университете. Здесь же, в 1914 году, спустя два года после окончания курса обучения на юридическом факультете, и началась его преподавательская деятельность. В 1918 году он преподавал историю русского права и средневековую историю России в университете Ростова-на-Дону. Покинув родину, Соловьев некоторое время жил в Константинополе, затем в Софии и Гейдельберге. На юридический факультет Белградского факультета его пригласил Ф.В. Тарановский. Для кафедры истории славянского права молодой русский ученый был настоящей находкой. Он получил подготовку в этой науке еще в

³⁴ До Тарановского история славянского права не преподавалась здесь с 1903 г. — с того времени, как умер преподававший этот курс профессор Д. Миюшкович. В связи с отсутствием в Белградском университете других специалистов в данной науке кафедра славянского права была здесь упразднена. Восстановили ее только по приезду в Белград русского ученого.

³⁵ *Тарановски Т.* Энциклопедија права. Београд, 1923; *Тарановски Т.* Увод у историју словенских права. Београд, 1923 (2-е, дополненное издание: Београд, 1933) и др.

³⁶ *Тарановски Т.* Историја српског права у немањих држави. Т. 1–2. Београд, 1931; Т. 3–4. Београд, 1935.

³⁷ Одну из последующих статей настоящего цикла, посвященного правовой мысли русской послереволюционной эмиграции, мы специально посвятим этому замечательному русскому ученому и его научным трудам.

Варшавском университете, занимаясь историей сербского права под руководством известного специалиста по славянскому праву Ф.Ф. Зигеля. Помимо юридического факультета Соловьев учился еще и на историко-филологическом факультете Варшавского университета, который закончил в 1915 году. К моменту переезда в Белград он уже свободно владел несколькими славянскими языками (в том числе и сербским), мог читать лекции на французском, английском, немецком, итальянском, знал, как и все тогдашние русские правоведы, латынь и древнегреческий. Работая с 1920 до 1941 года на юридическом факультете в Белграде, Соловьев защитил докторскую диссертацию³⁸, стал профессором. В 1920–1930-е годы им были написаны и изданы многочисленные работы по истории славянского права, до сих пор являющиеся по признанию специалистов классическими в этой области правоведения³⁹.

В 1945 году кафедра истории славянского права в Белградском университете вновь была ликвидирована. Соловьев остался без работы. В 1947 году русскому ученому была предложена должность декана создаваемого юридического факультета в городе Сараево. Соловьев дал согласие и переехал в боснийскую столицу, однако работать ему здесь долго не пришлось. В октябре 1948 года он был арестован по доносу студентов, и после продолжительного следствия, длившегося до весны 1951 года, осужден к полутора годам лишения свободы. Выпущенный после оглашения приговора на свободу, Соловьев вынужден был искать для себя и своей семьи пристанище в одной из западных стран. В конце 1951 года он переезжает вместе с семьей в Женеву. После трехлетних мытарств в поисках работы Соловьев получает место профессора русской литературы и славянских языков в Женевском университете. Здесь он и проработал с 1955 года до конца своих дней.

³⁸ Она была посвящена законодательству сербского и греческого царя Стефана Душана. Соловьев защитил ее в 1928 г. и тогда же опубликовал основную ее часть. См.: *Соловьев А.* Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка. Скопье, 1928.

³⁹ См.: *Соловьев А.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926; *Соловьев А.* «Градски закон» у средњовековној Србији // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1928. Књ. 16 (33). Бр. 5; *Соловьев А.* Душанов законник г. 1349 и 1354. Београд, 1929; *Соловьев А.* Срби и византијско право у Скопље почетком XIII века // Гласник Скопског научног друштва. Скопље, 1936. Књ. 15 и др.

На юридическом факультете Белградского университета, находившемся в Суботице, преподавал с 1920 года уголовно-правовые науки **М.П. Чубинский (1871–1943)**.

До революции 1917 года он являлся профессором юридического факультета Петроградского университета. В Сербии он был известен как председатель Научного союза славянского единения, как ревностный поборник идеи южнославянской федерации⁴⁰. Преподавательскую деятельность в Белградском университете М.П. Чубинский сочетал с активной работой в Постоянном законодательном совете при Министерстве юстиции Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев. Он был творцом проектов Уголовного кодекса и Кодекса уголовного судопроизводства Югославии, автором научного и практического комментария к Уголовному кодексу Королевства Югославии и многочисленных научных трудов по различным проблемам югославского права. При содействии Чубинского в 1925 году в Белграде был основан Институт и Музей криминалистики.

На юридическом факультете в Суботице работал в качестве профессора, преподавателя курсов энциклопедии права и уголовного права (и какое-то время в должности декана) бывший профессор Киевского Университета Святого Владимира **Г.В. Демченко (1869–1958)**.

Курс церковного права на юридическом факультете в Суботице читал в 1929–1941 годах бывший приват-доцент Новороссийского университета **С.В. Троицкий (1878–1972)**. В 1934/1935 учебном году он занимал пост декана этого факультета. В период с 1937 до 1941 года Троицкий состоял также в должности профессора богословского факультета Белградского университета. В 1925 и в 1930 годах он преподавал церковное право в Богословском Православном институте Святого Сергия в Париже, а в 1947–1948 годах читал этот курс в Московской духовной академии. С 1948 года Троицкий работает в качестве научного сотрудника Сербской академии наук. В этом же году он начал публиковать свое исследование самого значительного

⁴⁰ Необходимость создания такой федерации М.П. Чубинский выразил и обосновал в своей работе «История сербо-хорватских отношений и будущее объединение», изданной на французском языке Югославянским комитетом в Париже.

памятника средневекового сербского гражданского и церковного права — Номоканона Святого Саввы⁴¹.

В 1920–1930-е годы в Белградской Торговой академии преподавал торговое право бывший доцент юридического факультета Харьковского университета **Л.Я. Таубер (1872–1943)**. В 1933 году в Белграде вышел в свет его учебник «Торговое право». В том же году в «Записках Русского научного института» (Вып. 9) была опубликована статья Л.Я. Таубера «Лига наций и юридический статус русских беженцев».

* * *

В первые послереволюционные годы политическим и культурным центром русской эмиграции являлся, как это ни странно, Берлин. Именно здесь, в столице страны, которая выступала главным противником России в только что окончившейся мировой войне, обосновались многие видные русские писатели⁴², философы⁴³, историки⁴⁴, генералы и офицеры. Большая часть выходцев из России поселилась в западном районе Берлина, называвшемся Шарлоттенбург. «Говорят в Шарлоттенбурге из 300 тысяч русских, живущих в Берлине, находятся 200 тысяч, — писал в своем дневнике представитель барона Врангеля в Германии генерал-майор А.А. Лампе⁴⁵. — Если это так, то три четверти из них — жидаы⁴⁶. Русская речь слышна всюду, и

⁴¹ Этот правовой памятник известен и под другими именами — «Кормчей Святого Саввы (Крмчија Светога Савве)» и «Законоправила Святого Саввы (Законоправило Светога Савве)». Сербский историк М. Петрович, продолжатель дела С.В. Троицкого, считает вышеуказанное исследование русского ученого «вершиной его научного творчества» (*Петровић М. Сергије Троицки — истраживач Номоканона Светога Савве // Руска емиграција у српској култури XX века. С. 164.*

⁴² А. Белый, Б. Зайцев, В. Набоков, Н. Петровская, А. Ремизов, Вл. Ходасевич и др.

⁴³ В 1922–1924 гг. в Берлине жили такие известные русские философы, как Н.А. Бердяев (1874–1948), Б.П. Вышеславцев (1877–1954), Л.П. Карсавин (1882–1952), в 1922–1937 гг. здесь работал С.Л. Франк (1877–1950) и др.

⁴⁴ Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956), Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), Борис Иванович Николаевский (1887–1966)

⁴⁵ Алексей Александрович Лампе (1885–1967), с конца 1922 г. русский военный представитель в Германии, руководитель берлинского отдела Российского общевойскового союза.

⁴⁶ В этих словах нет большого преувеличения — евреев-беженцев из России было в Берлине и в самом деле довольно много. В 1920 г. здесь был создан даже «Союз русских евреев в Германии» (председатель — Я.Л. Тейтель). Он просуществовал приблизительно до 1932 г. Его главной задачей было оказание помощи еврейским

немудрено, что немцы раздражаются и завидуют русским предприятиям, порой закрывая их. В Берлине одних русских ресторанов 35, сортов водочных заводов 3, книжных издательств и магазинов масса... можно продолжать дело губернатора Берлина Суворова»⁴⁷. В одном только Шарлоттенбурге было 20 русских книжных магазинов, несколько десятков издательств⁴⁸, 6 банков, основанных беженцами из России. Не случайно, русские эмигранты называли этот район Берлина Петербургом или на свой манер Шарлоттенградом. Здесь можно было жить вообще не зная немецкого языка. Писатель В. Набоков признавался в своих мемуарах: «За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги, и никогда не почувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка»⁴⁹.

Среди эмигрантов из России, поселившихся в Берлине, было немало правоведов. Здесь жили и работали в 20–30-е гг. Н.Н. Алексеев (1879–1964), Б.Л. Гершун (1870–1954), И.В. Гессен (1865–1943), Г.Д. Гурвич (1894–1965), С.К. Гогель (1860–1933), И.А. Ильин (1883–1954), А.И. Каминка (1865–1941), М.А. Таубе (1869–1961), Я.Л. Тейтель (1851–1940), Н.Н. Чебышев (1865–1937), Яценко (1877–1934) и др.

Оказавшись в эмиграции, русские правоведы старались найти себе работу по специальности. Надо ли говорить, как это было трудно. Но даже те правоведы, которые находили на чужбине применение своим знаниям в области юриспруденции, как правило, не замыкались в рамках своей специальности, но становились общественными деятелями, публицистами, философами. Наиболее яркий пример, представляет в данном случае Иван Александрович Ильин⁵⁰. Об

беженцам из России и других стран, оказавшимся на территории Германии. См. документы этой общественной организации в ГА РФ. Фонд Р-5774. Оп. 2.

⁴⁷ ГА РФ. Фонд Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 24. Дневник А.А. Лампе охватывает годы с 1919 по 1943 гг.

⁴⁸ Точное число русских издательств в Берлине назвать невозможно, поскольку они то открывались, то закрывались. По некоторым данным их было в первой половине 20-х гг. XX в. от 30 до 87. См.: *Старцев А.В.* «Русский Берлин» в 1921–1923 гг. // Культурная миссия российского зарубежья: История и современность. М., 1999. С. 79.

⁴⁹ *Набоков В.В.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 284.

⁵⁰ См. о нем книгу: Томсинов В.А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало, 2012.

огромных масштабах его общественной и публицистической деятельности за границей свидетельствует изданное многотомное собрание его сочинений и писем, извлеченных из архивов⁵¹. Другой яркий пример дает правовед И.В. Гессен, создавший «Архив русской революции» — 22-томное собрание ценнейших документов и мемуаров, отражающих последние годы жизни царской России, события революции и гражданской войны⁵². В качестве крупного русского мыслителя-философа проявил себя в условиях эмиграции Н.Н. Алексеев — один из идеологов «евразийства», создатель «евразийской» теории государства и права⁵³.

В 1920 году эмигрировавшие из России адвокаты создали в Берлине «Союз русской присяжной адвокатуры в Германии»⁵⁴. Первым председателем правления «Союза» был избран И.М. Рабинович. С 1921 года эту должность стал занимать Б.Л. Гершун. В начале 1922 года указанный «Союз» выступил с инициативой проведения Съезда русских юристов и образовал для его подготовки специальную комиссию. Состоявшийся в Берлине с 1 по 4 октября 1922 года Второй съезд русских юристов⁵⁵ стал одним из самых крупных событий общественно-политической жизни русской эмиграции.

Среди вопросов, обсуждавшихся на съезде, главным стал вопрос о правовом статусе русских эмигрантов. Обсуждению данного вопроса

⁵¹ С 1993-го по 1999 год вышло 10 томов в 12 книгах «Собрания сочинений» И. А. Ильина. Затем это собрание было продолжено и к настоящему времени напечатано еще 19 томов. Напечатанные тома «Собрания сочинений» И. А. Ильина включают, однако, далеко не все произведения русского мыслителя. Многие его научные и публицистические работы остались неопубликованными и хранятся в архивах. Неопубликованными остаются и многие письма Ильина. Большое количество его статей было напечатано на иностранных языках в малотиражных журналах и газетах, неизвестных в России. По приблизительным подсчетам неопубликованная часть литературного наследия великого русского мыслителя — его произведений и писем — могла бы составить при издании около 15 томов, если не более. По своему объему и главное — по идейной содержательности литературное наследие Ильина уникально. — прим. В.Т.

⁵² См. о жизни и деятельности И.В. Гессена: *Гессен В.Ю.* Жизнь и деятельность И.В. Гессена — юриста, публициста и политика. Спб.: Изд-во «Сударыня», 2000.

⁵³ Более подробно об этой теории будет рассказано в одной из последующих наших статей.

⁵⁴ См. документы этой организации: ГА РФ. Фонд Р-5890. Оп. 1.

⁵⁵ Первый съезд русских юристов проходил в Москве в мае 1875 г. См. сборник статей: *Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году.* М., 1882.

было посвящено наибольшее количество выступлений⁵⁶. В соответствии с нормами международного права к эмигрантам, не ставшим гражданами той страны, на территории которой они поселились, могло в целом ряде случаев применяться право того государства, к которому они принадлежат. Однако в ситуации с эмигрантами из России возникала проблема: какое право должно было применяться к ним на территории иностранных государств — то, которое действовало в России до захвата власти большевиками, или же то, которое стало создаваться после этого события? О том, к какому выводу пришли участники Второго съезда русских юристов в результате обсуждения указанной проблемы, писал 11 октября 1922 года в берлинской русской газете «Руль» правовед Н.С. Тимашев: «На этот вопрос съезд прямо и определенно ответил в первом смысле. Он признал, что наша эмиграция органически вытекла из факта неприятия огромной частью русского народа и особенно его интеллигенции той власти, которая вот скоро уже пять лет, как держится в Кремле, и навязываемое этой властью населению порядков. Считать, что такая эмиграция приносит с собою в Европу эти самые порядки, значило бы совершить неслыханное насилие не только над этическим чувством миллионов покинувших родину людей, но и над здравым смыслом. А раз это так, то только и остается признать за национальное право эмиграции, в подлежащих случаях долженствующее быть применяемым иностранными судами, то право, которое действовало в России до 25 октября 1917 г., и это совершенно независимо от того, идет ли дело о стране, которая протянула большевикам руку, или о стране, которая продолжает отрицать их юридическое бытие»⁵⁷.

Участники съезда пришли к мнению о том, что для русских эмигрантов должен быть или сохранен прежний правовой статус, или создан новый, особый правовой статус на все то время, пока в России

⁵⁶ Этот вопрос был поднят уже в первом докладе, который делал правовед барон Б.Э. Нольде. О правовом положении русских эмигрантов говорили в своих речах на съезде и правоведы С.К. Гогель, А.Н. Мандельштам, А.А. Пиленко, Б.Е. Шацкий и др. См. протоколы заседаний съезда русских юристов за границей в Берлине 1–4 октября 1922 г. и тезисы докладов в ГА РФ. Фонд Р-5890. Оп. 2, а также публикацию: Съезд русских юристов за границей 1–4 октября 1922 г. Стенографические протоколы. Берлин, 1922.

⁵⁷ Руль. Берлин, 1922. № 568. С. 2.

государственная власть будет находиться в руках большевиков. Кроме того, Съезд высказался за то, чтобы при создании правовых норм, определяющих положение российских граждан-эмигрантов было «решительно и точно» оговорено право эмигрантов, не признавших советской власти, на политическое убежище. Наконец, состоявшийся в Берлине с 1 по 4 октября 1922 года Съезд русских юристов принял решение о создании постоянно действующего органа – «Комитета съездов русских юристов за границей». Это решение было выполнено спустя неделю после завершения работы съезда – 11 октября 1922 года. Председателем Центрального бюро данного Комитета был избран Б.Э. Нольде. Председателем Берлинского отделения Комитета стал Б.Л. Гершун⁵⁸. В задачи «Комитета съездов русских юристов за границей» входили: созыв новых съездов, содействие в защите прав русских эмигрантов в различных странах, организация издания трудов съездов.

В феврале 1923 года в Германии открылся Русский научный институт, в рамках которого был образован наряду с историко-филологическим и коммерческим факультетами также юридический факультет. Его деканом являлся в 1923–1924 годах профессор И.А. Ильин, читавший здесь курсы энциклопедии права, истории этических учений, учения о правосознании и др. Г.Д. Гурвич читал на юридическом факультете Русского научного института государственное право. М.А. Таубе – историю международных отношений. В Русском научном институте работал и правовед-криминолог С.К. Гогель. Некоторые русские эмигранты были приняты на работу в Берлинский университет. Кроме того существовал «Институт восточного права профессора Генриха Фройнда (Professor Heinrich Freund's Institut für Ostrecht)»⁵⁹, но этот был скорее научно-исследовательский, нежели учебный институт. Под эгидой этого учреждения издавался специальный журнал, в которой могли публиковаться и действительно публиковались русские правоведы-эмигранты. В Институте иностранного и хозяйственного права при Берлинском университете в 1925–1926 учебном году русский правовед Л.М. Зайцев читал курс «Основы

⁵⁸ См.: ГА РФ. Фонд Р-5908. Оп. 1.

⁵⁹ Об этом Институте упоминает У. Батлер в своей рецензии на книгу Стародубцева Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции.. См.: Sudebnik. 2000. Vol. 5. Issue 2. P. 374.

публично-правового и хозяйственного строя советской России в связи с международно-правовым оборотом»⁶⁰.

Для большинства из русских правоведов, так же как и для литераторов, философов, историков, Германия оказалась временным пристанищем. Пожив здесь год-два они перебирались в другие страны — Францию⁶¹, Чехословакию, Литву⁶², Швейцарию⁶³. Кое-кто возвращался обратно в Россию, как, например, писатель А.Н. Толстой или правовед Ю.В. Ключников (1886–1938). К 1925 году численность русских эмигрантов в Берлине сократилась в несколько раз. А вместе с этим стали рушиться русские издательства, периодические издания, театры и другие культурные центры, созданные в Германии эмигрантами из России. Экономический кризис, сопровождавшийся распадом финансовой системы страны, быстрым обесцениванием денег, сделал жизнь русских эмигрантов в Германии слишком тяжелой⁶⁴. Русские все чаще стали ощущать, что Германия для них совершенно чужая и чуждая страна.

Во второй половине 1920-х годов политический и культурный центр русской эмиграции переместился во Францию, а точнее — в Париж. Американский писатель У. Чэпин-Хантингтон (W. Chapin-Huntington)

⁶⁰ Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000. С. 117.

⁶¹ В Париж переселились из Берлина в середине 20-х гг. философы Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, в 1930 г. уехал во Францию Л.П. Карсавин, в 1937 г. туда перебирается из фашистской Германии С.Л. Франк. Из правоведов-эмигрантов, работавших в Германии, во Франции обосновались во второй половине 20-х гг. Г.Д. Гурвич, М.А. Таубе. В 1936 г. переселился во Францию из Германии И.В. Гессен.

⁶² В Литву переехал в конце концов (уже из Парижа) философ Л.П. Карсавин. Осенью 1924 г. переселился в Каунас А.С. Яценко. Он занял должность заведующего кафедрой международного права юридического факультета Каунасского университета.

⁶³ В Швейцарии оказался в конце концов философ и правовед Н.Н. Алексеев, работавший в 20-30-е гг. одновременно и в Берлине и в Праге.

⁶⁴ «Жизнь здесь многотрудная всячески. Во-первых, снег... Во-вторых, канкан цен. Сегодня 100, завтра 200, а через неделю оно уже 1 000... Конечно, заработок не поспевает за танцем... В-третьих, люди... Все политиканы, нетерпимые к тому же», — писала зимой 1923 г. в письме к своей подруге сотрудница берлинской газеты «Накануне» литератор Н.И. Петровская (1879–1928). В июле того же года Петровская жаловалась: «Жизнь здесь за два последних месяца совсем обезумела. Стали уже нужны, как в России «лимонаы» (т.е. миллионы. — В.Т.). Работать в Берлине совсем невозможно». (Жизнь и смерть Нины Петровской // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. № 8. С. 48).

писал в 1933 году в своей книге «Россия — вне России (Russia — out of Russia)» о русских эмигрантах: «Эта нация насчитывает около миллиона человек — самых, вероятно, культурных в мире... У этой нации нет правительства. Столица ее — Париж, ее дипломатический центр — Женева... Нет у нее и парламента, но у народа этого имеются все оттенки политической мысли — от монархизма до социализма включительно. Только коммунистов, которым объявлена анафема, нет. Половина ее населения состоит из бывших военных, но она не имеет постоянной армии. Граждане этой нации имеют свои школы, дабы дети их не забывали благородного своего языка и блистательной традиции предков. На каждых шесть мужчин в этой нации приходится один с высшим образованием. Талантливейшие ее музыканты, актеры и художники творят неустанно, причем творчество их предназначено не только для своих сограждан, но и для всего мира, и такова в ней жажда знаний, таков интерес к мировой политике, что число издающихся в ней печатных органов прямо-таки невообразимо»⁶⁵.

Франция стала пристанищем многих видных русских писателей, ученых, политических деятелей. Здесь жили и работали лауреат Нобелевской премии в области литературы И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Д.С. Мережковский, А.И. Куприн, Г.В. Адамович, К.Д. Бальмонт, М.И. Цветаева, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Г.П. Федотов, П.Н. Милюков и др.

В Париже обосновались в 1920–1930-е годы и многие русские правоведы: А.Л. Байков (1874–1943), А.А. Башмаков (1858–1943), М.М. Винавер (1863–1826), А.М. Горовцов (1878–1933), М.И. Догель (1865–1936), В.Б. Ельяшевич (1875–1959), А.М. Кулишер (1890–1942), А.Н. Мандельштам (1869– ?), Б.Э. Нольде (1876–1948) и др. При Парижском университете в начале 1920-х годов был образован Русский юридический факультет. Почти все вышеназванные правоведы работали в этом учебном заведении. Например, А.Л. Байков читал здесь курс энциклопедии права, М.И. Догель — частное международное право в связи с русским гражданским правом. Для русских студентов, обучавшихся в Парижском университете, русскими правоведами-эмигрантами читались в 1920-е годы дополнительные лекционные курсы на русском

⁶⁵ Цит. по: Алексинская Т. Русская эмиграция 1920–1939 годов // Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М., 1998. С. 88.

языке. Многие русские правоведы-эмигранты читали лекции и в университете Сорбонны, и во Франко-русском институте. При этом проблем с французским языком у русских правоведов не возникало, как впрочем, и с языком немецким или английским. Юридическое образование в дореволюционных российских университетах предполагало интенсивное изучение будущими юристами нескольких иностранных языков, как современными, так и древними. Способные же выпускники юридических факультетов, изъявившие желание посвятить себя преподавательской деятельности, как правило, проходили двухгодичную стажировку в одном из западноевропейских университетах. Для сдачи же магистерского экзамена требовалось досконально знать не только российскую, но и иностранную юридическую литературу по выбранным отраслям юриспруденции. Поэтому неудивительно, что русские правоведы, покинувшие Россию, вскоре заняли кафедры во всех ведущих университетах Западной Европы и США.